

Структура межнациональных браков коми-ижемцев Северного Зауралья^[1]

А. Н. Багашев, Н. А. Повод, Е. А. Волжанина, А. Л. Антонов

The article presents an inter-disciplinary research devoted to investigation of trends regarding conjugal relations of the Komi-Izhemtsi people from the North Trans-Urals in the XIXth-XXth cc., basing on written sources and craniological data. The paper studies dynamics of inter-ethnic marriages as well as the factors governing choice of a conjugal partner among different social groups of the Komi-Izhemtsi population (both settled and migrating), such as nature of foreign ethnical environment, perception stereotypes including a visual one, as well as economic and cultural features.

При исследовании взаимоотношений коми-ижемцев Северного Зауралья с населением этой территории большое значение имеет выявление направлений их брачных связей. Это предполагает определение доли межэтнических браков в исторической динамике и выявление факторов, обуславливающих выбор брачного партнера у разных категорий коми-ижемского населения (оседлых и кочевых). Для изучения этого вопроса были рассмотрены браки коми-ижемцев, заключенные в середине XIX — начале XX в. на территории Нижнего Приобья, в частности в с. Мужы (современный Шурышкарский район ЯНАО), и браки коми населения, заключенные в XX в. в пределах современных районов ЯНАО — Приуральского (Аксарковская и Белоярская сельские администрации) и Надымского (Норинская и Ныдинская сельские администрации).

Основными источниками послужили материалы церковного учета населения — метрические книги церквей Березовского округа за 1839–1862 гг. [ГУТОГАТ. Ф. 156. Оп. 20. Д. 743–766/1], Мужевской Михаило-Архангельской церкви за 1875–1882 гг. [ГАТО. Ф. И-255. Оп. 1. Д. 5а, 6а], исповедные росписи Мужевской церкви за 1883–1894, 1896–1902, 1904–1906, частично за 1908, 1911–1917 гг. [ГУТОГАТ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 10, 20, 23, 26, 31, 37, 42], брачные обыски Мужевской церкви за 1881–1888, 1901–1903 гг. [Там же. Д. 9, 30] и Обдорской Петропавловской церкви за 1891–1901 гг. [Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 122].

Для изучения направлений брачных связей коми в XX в. были использованы материалы книг похозяйственного учета населения сельских администраций Приуральского и Надымского районов. Система похозяйственного учета была введена на Севере в 1940-е гг. В похозяйственных книгах информация о брачном состоянии населения содержится в графе «Отношение к главе семьи». Супружеские пары выявлялись по наличию в записях книг таких терминов родства, как: в нуклеарных семьях — «муж», «жена», в сложных по составу семьях — «мать» и «отец», «свекр» и «свекровь», «теща» и «тесть», «зять», «сноха». В настоящее время применяются такие термины, как «сожитель» или «сожительница». Особенность похозяйственных книг заключается в том, что они отражают не количество браков, заключенных за определенный период, а количество супружеских пар, проживающих на территории сельской администрации, и их динамику в результате естественного и миграционного движения населения. При работе с этими материалами мы имеем дело с уже сложившейся брачной структурой населения.

Для определения динамики межнациональных браков были использованы данные по составу семей коми, проживающих на территории Норинской и Ныдинской сельских администраций — на 01.01.2002 г., Аксарковской сельской администрации^[2] — на 01.01.1969 г. и 01.01.2003 г. и Белоярской сельской администрации — на 01.01.1973 г., 01.01.1990 г. и 01.01.2003 г. Нижняя хронологическая граница (1969 г. и 1973 г.) в обоих случаях объясняется степенью сохранности документов и особенностью формы заполнения первых похозяйственных книг, в которых указывалась национальность только главы хозяйства. Ни в одной из указанных администраций не сохранился полный комплект похозяйственных книг. Кроме того, по материалам Аксарковской сельской администрации, в связи с административными преобразованиями (в 1975 г. из нескольких населенных пунктов Товопогольского сельского совета был образован Харсаимский сельский совет) и неполными данными по остальным населенным пунктам за 1969 г., в 1969 г. и в 2003 г. рассматривалось коми население, прописанное только в пос. Аксарка.

***

Регулярное упоминание коми-ижемских фамилий в метрических книгах церковью Березовского округа отмечается с конца 1830-х гг. Процесс переселения коми из Печорского края Архангельской губернии активизируется во второй половине XIX в. Выделяется несколько центров локализации коми населения в Березовском крае — это села Мужы, Обдорск, Саранпауль, г. Березов. В конце XIX в. граница освоенной территории коми расширяется до Северной Сосьвы на юго-западе и между речья Надыма и Ныды на северо-востоке.

В с. Мужы коми фамилии отмечаются в записях метрических книг Михаило-Архангельской церкви сразу же после ее открытия — в 1840 г. [ГУТОГАТ. Ф. 156. Оп. 20. Д. 744. Л. 132об.–133, 134об.–136]. В 1840–1850-х гг. численность коми в с. Мужы колебалась, но в целом отмечается приток как новых семей, так и отдельных людей. Постоянный прирост коми населения начинается с 1860-х гг., он был обусловлен как миграционным процессом, так и высоким уровнем рождаемости, значительно превышавшем уровень смертности. На протяжении XIX в. в с. Мужы сформировалась наиболее крупная поселенческая группа зауральских коми-ижемцев. Некоторые семьи коми, прожив несколько десятков лет в селе, уезжали. Особенно заметный отток населения был в 1891 г., когда уехало 10 семей. Возможно, это связано с эпидемией скарлатины и дифтерита в 1889–1890 гг., когда умерло много людей [ГУТОГАТ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 18. Л. 20, 31; Конаков, Котов, 1991. С. 51]. С 1893 по 1908 г. из Мужей ежегодно уезжало от одной до трех семей, всего 17 семей. Часть из них переезжала в Обдорск, часть обосновывалась в селениях на р. Надым. Известно, что в устье р. Надым первыми поставили стационарные избы зыряне Батманов и Филиппов [Гриценко, 2000. С. 7]. Возможно, это были уехавшие в 1891 г. Батманов Абрам Родионов и Филиппов Василий Димитриев, в 1903 г. уехала из Мужей семья брата Батманова — Александра Родионова. В 1920-х гг. семьи его сыновей числились в списке Норинской Васильевской общины [ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 30об.]. В Обдорск переехал Терентьев Григорий Феофанов, в 1908 г. там числилась его вдова с детьми [ГУТОГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 153. Л. 23]. Попов Иоанн Иоаннов (1851 г. р.) переехал с женой и матерью в Обдорск в 1894 г.; с 1895 г. он исполнял должность псаломщика в Обдорской миссии [ГУТОГАТ. Ф. 156. Оп. 24. Д. 564. Л. 66об.–67]. В 1905 г. туда же уехал его брат Попов Федор Иоаннов [ГУТОГАТ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 33. Л. 26].

К началу XX в. в Надымском крае уже существовало семь населенных пунктов, насчитывавших 21 хозяйство, в которых проживали 113 человек русских и коми [Дунин-Горкавич, 1996. С. 344]. Образование селений-факторий в этом районе (Хэ, Нори, Ныда) было связано с возможностями развития торговли в крае [Житков, 1913. С. 19; Дмитриев-Садовников, 1918. С. 33]. Наиболее крупными из них были юрты (название из источника на 1909 г.) Норэ и Хэ [Список населенных пунктов..., 1995]. В 1916 г. в Нори находилось 26 домов с населением 220 человек [Дмитриев-Садовников, 1918. С. 39]. Территория в бассейне р. Щучьей также привлекала внимание коми-ижемцев, так как здесь имелись возможности для развития рыбного и пушного промыслов [ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 20об.]. Так, Архип Григорьевич Терентьев обращался в Волостную Земельную комиссию при Обдорском Волостном исполнительном комитете с заявлением об отводе ему участка земли для строительства зимовки «в районе реки Щучьей, в местности “Хару-Сале”, выше устья “Танловы”» [ГАЯНАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. Л. 50, 51]. Данный вопрос был решен положительно осенью 1923 г. Записи о потомках некоторых оленеводов зырян, кочевавших в этом районе в 1920-е гг., были нами выявлены в похозяйственных книгах Щучьереченского сельского совета за 1945 г. [ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–7об.].

В 1920-е гг. зырянские хозяйства бассейна р. Надым были в основном оседлыми [Список..., 1928. С. 164]. В Обдорском районе значительная доля зырянских хозяйств кочевала на северной оконечности Уральского хребта — 106 хозяйств (или 93 % от общего числа кочевых хозяйств зырян в этом районе), в которых числился 621 человек. Из них в бассейне р. Кары — 84 хозяйства (475 чел.), в районе от р. Кары до р. Байдараты — 12 (74 чел.), в бассейне р. Щучьей — 6 (44 чел.), в бассейне рек Собь и Войкар — 4 хозяйства (28 чел.); среди них были и коми, приходившие с территории Европейского Севера.

***

Основными направлениями хозяйства коми-ижемцев в Березовском крае были оленеводство и торговля. Определенное значение имели рыболовство, извозный промысел, в меньшей степени — охота; повышение их роли в хозяйстве носило сезонный характер. Уже во второй половине XIX в. у коми отмечается специализация хозяйства, что проявлялось в общественном разделении труда и его более рациональной организации. Выделялась группа оленеводов, которые кочевали вместе с оленьими стадами и проживали в чумах. Они выпасали как собственных оленей, так и за определенную плату оленей оседлых коми-ижемцев. Большая часть ижемцев проживала оседло, среди них выделялись торговцы («купцы»), в летнее время практиковался отхожий промысел, когда мужчины занимались в артели для неводного лова рыбы, в конце XIX в. стали появляться профессиональные ремесленники.

Специфика хозяйства обусловила выделение у коми-ижемцев двух типов хозяйственно-культурных комплексов — кочевого оленеводческого с преобладанием ненецкой специфики и оседлого, более русифицированного. Между ними не было строгого разграничения. Так, оленеводы могли иметь стационарное жилье в населенном пункте и оставлять оленьи стада под присмотром отдельных членов семьи и наемных пастухов. При достижении престарелого возраста оленеводы переходили на оседлость, после смерти главы семьи вдовы с детьми обычно переезжали к проживающим в селе сородичам.

Важную роль в хозяйстве ижемцев играла торговля. Уже к началу XX в. они значительно расширили территорию торговой деятельности в Березовском крае. Несмотря на то что основные сделки совершались в период проведения зимних ярмарок, торговля сохраняла свое значение в течение всего года. Практиковались различные формы торговой деятельности — ярмарочная, стационарная, выездная, существовала также нелегальная продажа спиртных напитков. Коми способствовали формированию торговой конкуренции в Березовском крае и вовлечению коренного населения в товарно-денежные отношения. Крупных торговцев среди зауральских коми не было, но хорошее знание местных условий и тесные связи с коренным населением, прежде всего с оленеводами, позволяли им успешно конкурировать с русскими, особенно мелкими торговцами. В то же время их деятельность была очень выгодна крупным торговцам, которые сбывали свой товар постоянным мелким перекупщикам. В летнее время ижемцы покупали товары у приказчиков тобольских купцов, которые развозили припасы по юртам остяков [Воропай, 1900а, б]. Практиковалась передача товаров мелким торговцам в долг, «под реализацию».

В бытовой сфере у коми-ижемцев формировались мирные взаимоотношения как с коренными жителями, так и с русскими. Косвенными свидетельствами о формировании межличностных отношений коми с местным населением служат данные метрических книг. Количественные данные, характеризующие контакты ижемцев с окружающим населением в Березовском крае в середине XIX в., т. е. в начальный период их расселения, говорят о высоком чувстве групповой солидарности, сохранении земляческих отношений с другими коми и архангельскими самоедами. В то же время прослеживается развитие контактов с местными жителями Березовского края и установление связей в виде «духовного родства».

Активное включение коми-ижемцев в систему рыночных отношений Березовского края способствовало развитию их коммуникативных связей. Этническая коммуникабельность и билингвизм как средство межэтнического контакта были важными этническими стереотипами коми [Конаков, Котов, 1991. С. 35, 38]. Коми переселенцы, как правило, владели тремя языками: коми (ижемский диалект), русским и хантыйским. Ижемские оленеводы обычно знали ненецкий язык [Конаков, 1985. С. 85–86]. Ижемские оленеводы, кочевавшие в тундре, имели большое сходство в образе жизни с коренными жителями, и это давало коми большое преимущество по сравнению с русскими жителями для развития отношений с аборигенами [Гондатти, 2000. С. 118]. По данным Б. М. Житкова, в начале XX в. коми-ижемцы, разъезжавшие со своим товаром по всему району кочевых стойбищ обдорских «инородцев», знали чуть ли не поименно всех коренных жителей края [Житков, 1913. С. 250]. Среди коми-ижемцев, особенно среди живущих оседло в крупных населенных пунктах, т. е. в зонах наиболее интенсивных контактов с русским населением, распространялось знание русского языка, которое сопровождалось развитием грамотности. Некоторые зажиточные коми-ижемцы, проживавшие в Обдорске, даже стали называть в качестве родного языка русский [ГУТОГАТ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 3. Л. 189об.; Иринарх, 1903. С. 25]. Уже в конце XIX в. отмечалось, что между русскими и оседлым коми населением постепенно стирались различия, связанные с экономическим положением и бытовыми особенностями [Бартенев, 1998. С. 145; Иринарх, 1903].

Уже в конце XIX в. у населения Березовского края сформировались устойчивые стереотипы восприятия коми-ижемцев, связанные в основном с оцениванием их хозяйственной деятельности и типичных моделей поведения при взаимодействии с представителями других групп населения. Ижемцы считались очень энергичным, предприимчивым и работающим народом, способным к физическому труду, знающим какое-нибудь ремесло [Алквист, 1999. С. 105; Бартенев, 1998. С. 136–137; Дунин-Горкавич, 1995. С. 120]. Главным отличием ижемцев от других групп коми-зырян являлись предприимчивость и способность к торговле. Эта специфика сформировалась у ижемцев еще на территории Печорского края Архангельской губернии, где «...создался особый зырянский тип — живой, чисто коммерческий... давно прославившийся своей оборотливостью» [Дунин-Горкавич, 1995. С. 119]. В Березовском крае активная торговая деятельность коми вела к появлению ярлыков: русские называли их «евреями и обманщиками», «северными жидами», «народом-экспертом» [Алквист, 1999. С. 106; Бартенев, 1998. С. 136–137; Дунин-Горкавич, 1995. С. 120]. В то же время отмечались гостеприимство коми-ижемцев и стремление выражать благодарность за оказанные услуги или хорошее к ним отношение [Бартенев, 1998. С. 144].

По внешним данным ижемцы характеризовались как рослый, здоровый и красивый народ, почти все были блондинами, отличались крепостью сложения, выносливостью, энергией. Большинство мужчин были красивы, ростом не выше среднего, носили окладистые великорусские бороды, имели румяные лица и серо-голубой цвет глаз «с живым и наглым взглядом». Особо отмечалась красота женщин: красивые умные лица с белой кожей и румянцем, мягкий голос [Бартенев, 1998. С. 135, 138; Воропай, 1900а. С. 31; 1900б. С. 44; 1901. С. 71–72, 73; Дунин-Горкавич, 1995. С. 112; Скалозубов, 1998. С. 363]. Вместе с тем В. В. Бартенев [1998. С. 135] писал, что их «животная красота» неприятно поражала по сравнению с «милым и благородным выражением» лиц русских девушек, жительниц Обдорска. Рост женщин, за редким исключением, был не выше среднего, телосложение стройное и крепкое. Для женщин были характерны скромность и приветливость. По визуальному восприятию коми-ижемцы сближались с русскими: «...народ этот... по наружности под-

ходит к великоруссу», «здешние зыряне, как физиономиями, так и образом жизни, мало отличаются от русских»; хотя все же отмечались особенности внешних данных: «...тип их, в общем, финский, но есть и великорусские черты» [Бартенев, 1998. С. 135; Воропай, 1900а. С. 31; 1900б. С. 44; 1901. С. 31, 73; Дунин-Горкавич, 1995. С. 120; Скалозубов, 1998. С. 363].

Даже из вышеприведенных отрывочных данных о физическом типе коми можно заключить, что их антропологический тип характеризуется преобладанием признаков, свойственных европеоидным популяциям Восточной Европы. Многочисленные исследования [Алексеев, 1969; Бунак, 1924а, б; Марк, 1974, 1975; Аксянова, 1979; и др.] показали, что тип коми действительно характеризуется европеоидными чертами с минимальной долей монголоидного компонента и генетически связан в первую очередь с комплексами, представленными у других финноязычных народов Приуралья.

Круги брачных связей любой популяции формируются в конкретной этнокультурной обстановке. Немаловажную роль играет внешнее восприятие. Воспитываясь в конкретной этнической и антропологической среде, у личности формируется определенный стереотип восприятия: привычный облик всегда более симпатичен. Хотя социально-экономические, политические и другие соображения зачастую доминируют над фактором внешности. Небезынтересна, таким образом, попытка проследить влияние антропологического фактора на структуру и круги брачных связей коми Северного Зауралья.

В этнической антропологии краниологические данные, отражающие особенности физического типа того или иного народа, при сопоставлении их с материалами по другим популяциям, позволяют выявить основные направления расогенетических связей, взаимосвязь типов, общность или разъединенность антропологических компонентов и, в конечном счете, степень генетического родства этнических групп.

Для выяснения степени влияния стереотипов визуального восприятия, сложившихся в конце XIX — начале XX в., был проведен межгрупповой сравнительный анализ антропологических материалов. В связи с отсутствием опубликованных антропологических материалов по этническим группам коми, переселившимся за Урал, за основу была взята серия черепов коми-пермяков, которая хоть и условно, но может представлять антропологический тип коми. Для сопоставления на межгрупповом уровне был использован массив краниологических данных по тюркам (башкиры) [Юсупов, 1989. С. 164–184] и финноязычным этническим группам Поволжья и Приуралья (карелы, саамы, удмурты, марийцы, мордва) [Алексеев, 1969. С. 227–240], тюркским (барабинские и тоболо-иртышские татары) [Багашев, 1993. С. 15–40; Ким, 1998], угорским (манси, ханты) [Багашев, 1998. С. 126–136; Багашев, Антонов, 2002; Дремов, Багашев, 1998. С. 114–122] и самодийским народам Западной Сибири (ненцы) [Багашев, 1998. С. 134–136], а также русским [Алексеев, 1969. С. 289, 304; Дремов, 1998].

Анализ проводился по мужским и женским черепам с помощью коэффициентов расового сходства по методу Л. Пенроза [Penrose, 1954; Knussmann, 1967; Козинцев, 1974]. В результате было выявлено, что мужская часть серии коми-пермяков обнаруживает наибольшее расхождение с хантыйскими сериями (Чага, Алымка, Халас-Погор, Обдорск), а также барабинскими (Абрамово и Льнозавод) и тоболо-иртышскими (тюменские) татарами, ненцами (табл. 1). Также не приходится говорить о заметном расовом сходстве коми-пермяков с башкирами. Наименьшие расхождения серия по коми-пермякам обнаруживает с русскими (особенно г. Томска), а также с финноязычными народами европейской части России, особенно с саамами, мордвой и карелами. Сопоставление женских серий показывает примерно схожую ситуацию. Однако те группы, которые сближались в антропологическом отношении с коми-пермяками, по женским материалам не обнаруживают явных тяготений.

Из совокупности западносибирских групп, использованных в анализе, наиболее близкую к типу коми-пермяков комбинацию признаков имеют тобольские и барабинские (Абрамово) татары, западные манси.

Заметная доля европеоидной примеси в составе тоболо-иртышских и барабинских татар [Багашев, 1993; Ким, 1998] может объяснить пониженные величины коэффициентов расового сходства этих групп с коми. Антропологический тип хантов характеризуется долихокранной низкой мозговой коробкой, малыми размерами, пониженной горизонтальной профилировкой лицевого скелета. Тип коми имеет обратную комбинацию признаков, т. е. более высокую брахикранную форму мозгового отдела, высокое лицо, высокое переносье, большую профилированность лицевого скелета. Именно это обстоятельство объясняет существенные расхождения этих типов. Сборная серия по ненцам суббрахикранна, обладает низкой высотой черепа, черепа сильно уплощены в лицевой части, что также не сочетается с типом коми. Мужская серия черепов по русским г. Томска в антропологическом типе сближается с архангельской [Дремов, 1998. С. 145], которые, по-видимому, имеют комбинацию признаков, сходную с краниологическим типом коми-пермяков.

**Обобщенные коэффициенты Л. Пенроза между коми-пермяками
и сравниваемыми группами**

Этнические группы	♂			♀		
	C_H^2	C_Q^2	C_R^2	C_H^2	C_Q^2	C_R^2
Ханты Халас-Погор	1,30	0,11	1,21	1,60	0,03	1,57
Ханты Обдорск	1,20	0,05	1,15	1,50	0,01	1,49
<i>Северные ханты в целом</i>	<i>1,25</i>	<i>0,08</i>	<i>1,18</i>	<i>1,55</i>	<i>0,02</i>	<i>1,53</i>
Ханты Салым	0,81	0,02	0,79	0,68	0,01	0,67
Ханты Балык	0,98	0,15	0,85	1,44	0,12	1,33
Ханты Юган	1,04	0,01	1,03	1,29	0,31	1,03
Ханты Вах	1,48	0,76	0,85	1,28	0,50	0,87
Ханты Васюган	0,65	0,02	0,63	1,08	0,06	1,03
<i>Восточные ханты в целом</i>	<i>0,99</i>	<i>0,19</i>	<i>0,83</i>	<i>1,15</i>	<i>0,20</i>	<i>0,98</i>
Ханты Чага	1,44	0,04	1,38	1,37	0,01	1,36
Ханты Алымка	2,04	0,36	1,74	1,45	0,02	1,43
<i>Южные ханты в целом</i>	<i>1,74</i>	<i>0,20</i>	<i>1,56</i>	<i>1,41</i>	<i>0,01</i>	<i>1,39</i>
Манси западные	0,93	0,01	0,92	0,45	0,04	0,41
Манси северные	1,02	0,03	0,99	1,14	0,01	1,13
<i>Манси в целом</i>	<i>0,97</i>	<i>0,02</i>	<i>0,95</i>	<i>0,80</i>	<i>0,02</i>	<i>0,77</i>
Ненцы	1,05	0,04	1,04	1,64	0,17	1,27
Барабинские татары Абрамово	0,99	0,35	0,70	1,21	0,17	1,07
Барабинские татары Льнозавод	1,18	0,10	1,09	1,29	0,02	1,27
<i>Барабинские татары в целом</i>	<i>1,08</i>	<i>0,22</i>	<i>0,89</i>	<i>1,25</i>	<i>0,09</i>	<i>1,17</i>
Тобольские татары	0,34	0,01	0,33	0,54	0,03	0,51
Тюменские татары	0,93	0,26	0,71	0,89	0,09	0,80
<i>Тоболо-иртышские татары в целом</i>	<i>0,63</i>	<i>0,13</i>	<i>0,52</i>	<i>0,71</i>	<i>0,06</i>	<i>0,65</i>
Русские, Томск XVII в.	0,51	0,34	0,23	0,89	0,44	0,45
Русские, Архангельск	0,17	0,01	0,16	0,97	0,30	0,67
Русские, Казань	0,56	0,04	0,52	0,70	0,31	0,39
<i>Русские в целом</i>	<i>0,41</i>	<i>0,13</i>	<i>0,30</i>	<i>0,65</i>	<i>0,35</i>	<i>0,50</i>
Башкиры Иштуганово	1,26	0,91	0,51	0,99	0,56	0,53
Башкиры Мавлютово	0,38	0,11	0,29	0,51	0,16	0,37
Башкиры Старо-Халилово	0,79	0,34	0,45	0,66	0,26	0,44
Башкиры Абдрашитово	1,16	0,71	0,57	0,43	0,06	0,38
Башкиры Ахуново	0,91	0,46	0,53	0,65	0,24	0,45
Башкиры Гадельшино	1,12	0,38	0,80	0,72	0,12	0,60
Башкиры Ташлы	0,91	0,39	0,59	0,85	0,25	0,65
Башкиры Кусеево	0,83	0,36	0,54	0,93	0,18	0,78
Башкиры Муллакаево	1,04	0,36	0,74	0,86	0,32	0,60
Башкиры Кулуево	0,96	0,32	0,64	1,14	0,20	0,96
Башкиры Аллагватово	0,91	0,23	0,72	1,12	0,33	0,84
<i>Башкиры в целом</i>	<i>0,93</i>	<i>0,41</i>	<i>0,58</i>	<i>0,62</i>	<i>0,24</i>	<i>0,60</i>
Карелы Компаково	0,18	0,05	0,13	0,30	0,24	0,06
Карелы Регярви	0,50	0,28	0,26	0,40	0,38	0,02
<i>Карелы в целом</i>	<i>0,34</i>	<i>0,16</i>	<i>0,19</i>	<i>0,35</i>	<i>0,31</i>	<i>0,04</i>
Саамы Чальмны-Варрэ	0,34	0,04	0,30	0,63	0,04	0,59
Саамы Пулозеро	0,48	0,22	0,29	0,55	0,03	0,52
Саамы Варзино	0,48	0,01	0,22	0,66	0,08	0,58
Саамы Иоканга	0,25	0,04	0,21	0,45	0,01	0,44
<i>Саамы в целом</i>	<i>0,38</i>	<i>0,07</i>	<i>0,25</i>	<i>0,57</i>	<i>0,04</i>	<i>0,53</i>
Удмурты северные	0,29	0,01	0,28	0,24	0,07	0,18
Удмурты южные	0,08	0,01	0,07	0,24	0,03	0,21
<i>Удмурты в целом</i>	<i>0,18</i>	<i>0,01</i>	<i>0,17</i>	<i>0,24</i>	<i>0,05</i>	<i>0,19</i>
Марийцы горные	0,49	0,21	0,31	0,25	0,08	0,18
Марийцы луговые	0,24	0,01	0,23	0,30	0,08	0,29
<i>Марийцы в целом</i>	<i>0,35</i>	<i>0,11</i>	<i>0,27</i>	<i>0,27</i>	<i>0,08</i>	<i>0,23</i>
Мордва-ерзи	0,12	0,03	0,09	0,35	0,23	0,15
Мордва-терюханы	0,31	0,03	0,27	0,13	0,02	0,11
Мордва-мокши	0,23	0,01	0,22	0,22	0,03	0,19
<i>Мордва в целом</i>	<i>0,22</i>	<i>0,07</i>	<i>0,29</i>	<i>0,23</i>	<i>0,09</i>	<i>0,15</i>

Примечание. Выделены коэффициенты C_R^2 значением менее 0,4.

В целом западносибирские группы не обнаруживают каких-либо существенных расогенетических связей с группой коми-пермяков, процесс расообразования которых проходил на другой территории и при участии иных компонентов.

Таким образом, антропологическая структура коми наиболее схожа с типом русских и восточно-европейских финноязычных народов, а именно: карелами, мордвой, саамами, удмуртами. Западносибирские этнические группы (как тюркские, так и уральские) наиболее расово отдалены от типа коми-пермяков. Среди всех групп населения Западной Сибири только русские имеют отчетливо выраженное морфологическое сходство с типом коми.

***

Дисперсное расселение коми-ижемцев и комплексный характер хозяйства способствовали развитию процессов взаимодействия как с аборигенным, так и с русским населением Березовского края. Сходство хозяйственного уклада оседлых коми с русскими и коми оленеводов с коренными жителями, прежде всего ненцами, определяло появление взаимодействия в сфере семейно-брачных отношений. Обязательным условием для коми при вступлении в брак было единство вероисповедания, учитывался также возраст — как правило, муж был старше жены. Дополнительным стимулированием были также внешние данные партнера и его трудовые навыки.

Численность первых коми переселенцев была невелика, это ограничивало количество брачных партнеров среди представителей своей группы. С 1840 до 1862 г. на территории Березовского округа среди коми-ижемцев было заключено 13 браков, из них 8 — коми жителями с. Мужы. В с. Мужы в семи случаях в брак вступали дети одного из первых поселенцев Ф. З. Рочева: три его дочери вышли замуж за коми, две — за русских, сын женился на коми; одна из его дочерей, овдовев, вышла замуж повторно за вдовца коми [ГУТОГАТ. Ф. 156. Оп. 20. Д. 750. Л. 338об.–339; Д. 752. Л. 333об.–334; Д. 753. Л. 361об.–362; Д. 761. Л. 525об.–526; Д. 762. Л. 567об.–568, 570об.–571; Д. 764. Л. 751об.–752]. Также в 1860 г. был зафиксирован брак между коми [Там же. Д. 766/1. Л. 504об.–505]. В межэтнических браках брачными партнерами в одном случае был сын одного из первых русских поселенцев в с. Мужы С. К. Данилов, в другом — дьячок Мужевской церкви В. В. Скосырев [Там же. Д. 753. Л. 361об.–362; Д. 761. Л. 525об.–526]. В г. Березове в 1841 и 1852 г. отмечено два коми-русских брака, в 1858 г. — один русско-коми брак [Там же. Д. 745. Л. 28об.–29; Д. 756. Л. 28об.–29; Д. 762. Л. 28об.–29]; в с. Сосьва в 1845 г. был зафиксирован один коми-русский брак [Там же. Д. 749. Л. 319об.–320]; в Обдорске в 1860 г. — один брак среди коми [Там же. Д. 764. Л. 886об.–887]. В случае коми-русских браков замуж выходили девушки из неполных семей, где умер отец, возможно их замужество было вызвано тяжелым материальным положением в семье.

По данным метрических книг и материалов брачных обысков церкви с. Мужы, а также данным брачных обысков Обдорской Петропавловской церкви, отражающим случаи вступления в брак коми, числившихся жителями с. Мужы, за период 1875–1895 гг. выявлено 63 брака, в которых оба рачных партнера были коми [ГАТО. Ф. И-255. Оп. 1. Д. 5а, 6а; ГУТОГАТ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 9, 18; Ф. 704. Оп. 1. Д. 50]. Отмечены также браки коми мужчины и русской, коми и ненки, русского мужчины и коми женщины. В трех случаях один из брачных партнеров не был указан. Зафиксированы также 6 ненцеко-коми браков: 3 брака с европейскими ненцами, 2 — с ненцами Ляпинской волости, 1 — с ненцем Сынской речки. Во всех шести случаях это были семьи оленеводов.

В 1901–1906 гг. коми жителями с. Мужы было заключено 23 брака, все они были моноэтническими [ГУТОГАТ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 30; Ф. 704. Оп. 1. Д. 50, 122]. В двух случаях отмечалось, что вступающие в брак «жили в оленьих стадах» [Там же. Ф. 700. Оп. 1. Д. 30. Л. 7–8об.].

В г. Березове и с. Обдорске среди коми также встречались межэтнические браки. В конце XIX в. современниками отмечалось, что коми-зыряне «обладают сильной ассимиляционной склонностью» [Иринарх, 1903. С. 24]. Бытовало мнение, что русские мужчины часто женятся на ижемских девушках, ижемцы мужчины чаще женятся на ненках [Бартенев, 1998. С. 145; Иринарх, 1903. С. 25; Скалозубов, 1998. С. 363]. Браки, как правило, были патрилокальны, т. е. после заключения брака девушка переходила в семью мужа. Препятствием для распространения коми-русских браков были языковой барьер и представление о «зырянском житье», которому приписывалась «неопрятность» [Бартенев, 1998. С. 145]. В Обдорске в 1890-х гг. слова «зырянское житье», «по-зырянски» употреблялись русскими хозяйками как синоним неряшливости и неопрятности [Там же. С. 137]. На коми девушках обычно женились русские мужчины из бедных семей, не имеющих значительных культурных отличий, к тому же ижемские женщины считались очень хорошими работницами [Бартенев, 1998. С. 145; Скалозубов, 1998. С. 363].

По данным Л. Н. Жеребцова, браки между коми и представителями обско-угорских народов были явлением исключительным. В целом по Березовскому округу женщины коми редко выходили замуж за хантов, чаще — за приуральских манси; обратных браков не было; основным препятствием для распространения таких браков были различия вероисповедания [Жеребцов, 1982. С. 192]. В материалах экспедиции по Северной Сосьве В. Н. Чернецова в 1935–1936 гг. отмечается, что в селении Хал-пауль жили Тасмановы, которые были «овогулившимися» зырянами с реки Есва из-за Урала и принявшими родовое имя Тасмановых; их старшее поколение плохо знало мансий-

ский язык и сохраняло связи с приуральскими родственниками [Источники..., 1987. С. 206]. В с. Мужы, по данным Г. А. Старцева, в конце 1910 — начале 1920-х гг. было зарегистрировано два брака женщин коми и ханты. Первый из них распался через два месяца, во втором случае отец девушки, богатый оленевод, настолько противился этому, что предлагал Мужевскому Ревкому 50 лучших важенок, чтобы помешать этому браку [Старцев, 1926. С. 49].

Таким образом, в условиях ограниченности брачных партнеров среди представителей своей группы из 13 зарегистрированных браков первых коми поселенцев в Березовском крае в шести случаях брачными партнерами были русские. Преобладание моноэтничных браков в 1870–1900 гг. среди коми, заключавших браки в с. Мужы, свидетельствовало о появлении в последней четверти XIX в. возможностей для самовоспроизводства группы и о преобладании ориентации на заключение браков внутри своей группы. Несмотря на то что в селе проживали представители коренных народов и русские, количество межэтнических браков среди оседлого коми населения было ограниченным. Основными препятствиями заключения межэтнических браков были различия в образе жизни, а также влияние установок и стереотипов восприятия, выраженных в положительном или негативном общественном мнении о той или иной группе. Принцип расового сходства не был преваляющим при заключении браков, более важным оказывалось сходство хозяйственно-культурного типа. Так, среди коми оленеводов межэтнические браки с ненцами были более распространены, чем в среде оседлых коми. То есть в данном случае главным фактором в выборе брачного партнера было единство моделей поведения, определявшихся схожестью хозяйства.

***

Для коми населения, проживающего в сельской местности, в XX в. характерно стремление к концентрации в центрах сельской округи, являющихся одновременно культурными и социально-экономическими центрами. Это нашло отражение в сокращении количества населенных пунктов, в которых проживали коми ранее, или уменьшении численности коми в одних населенных пунктах и увеличении в других. Если в 1948 г. на территории Товопогольского сельского совета с центром в пос. Аксарка коми проживали главным образом в поселках Товопогол, Горно-Казымск и Халаспугор [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 154. Л. 73], то в 1969 г. — в поселках Аксарка и Харсаим [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 120. Л. 102]. Коми-ижемским поселением в бассейне рек Кары и Щучьей в 1948 г. был пос. Седельникова (Щучьереченский с/с) [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 154. Л. 72]. В связи с мероприятиями по переводу кочевого населения на оседлость возникла необходимость строительства поселка в другом месте. С основанием в 1951 г. пос. Белоярск, в него был перенесен центр сельской округи. В 1969 г. все коми-ижемское население Щучьереченского сельского совета было прописано в пос. Белоярск [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 120. Л. 103]. Что касается современных Ныдинской и Норинской сельских администраций, то здесь коми проживали в поселках Ныда и Нори с начала их основания. В настоящее время сельское население коми в Приуральском районе проживает на территории Аксарковской (Аксарка, Товопогол), Харсаимской (пос. Харсаим), Белоярской сельских администраций (пос. Белоярск), в Надымском районе — Норинской (пос. Нори) и Ныдинской сельских администраций (пос. Ныда). Современная территория Белоярской сельской администрации является самой северной территорией проживания коми-ижемской группы, а территория Ныдинской сельской администрации — крайней восточной территорией.

На протяжении XX в. происходило численное увеличение коми населения на рассматриваемых территориях главным образом за счет естественного прироста. При этом количество женщин превышало количество мужчин, и диспропорция в соотношении мужчин и женщин репродуктивного возраста, т. е. в возрастной категории от 14 до 54 лет, постоянно увеличивалась [Национальный состав..., 1990. С. 172; ПМА, 2003]. Диспропорция в соотношении полов оказала влияние на брачную структуру. Так, выявлено, что состоящих в браке женщин коми на протяжении рассматриваемого периода было больше, чем мужчин.

Одним из важных факторов, влияющих на направление брачных связей, является характер иноэтничного окружения, особенно в условиях продолжительного взаимодействия и выравнивания уровней культуры различных национальных групп. Рассматривая этнокультурные контакты коми-ижемцев с ненцами и хантами в Шурышкарском районе ЯНАО, Н. В. Филатова отметила, что браки коми с хантами были очень редкими до 1970-х гг. В 1970-х гг. было заключено 15 таких браков, а с 1980 по 1989 г. — 74, из которых в 56 муж коми, а жена ханты. В браки с ненцами в 1970–1980-е гг. коми вступали реже: всего зарегистрировано 14 браков, из них в 10 муж коми, а жена ненка [Филатова, 1994. С. 99]. Это объясняется тем, что среди населения с. Мужы была невысокая доля ненцев европейского происхождения, которые рассматривались коми в качестве потенциальных брачных партнеров [Там же]. В. И. Васильев, работая с материалами Приуральского и Надымского ЗАГСов за период с 1920-х гг. по начало 1970-х гг., отмечал изолированность коми от сибирских тундровых ненцев (в отличие от европейских) и хантов [Васильев, 1985. С. 77–78].

Иная ситуация наблюдается в Приуральском и Надымском районах ЯНАО, где европейских ненцев проживало больше, чем в Шурышкарском районе. Они кочевали вместе с коми оленевода-

ми, и некоторые из ненцев работали у них пастухами. На территории современного Приуральского района в бассейне р. Кары, в верховьях р. Щучьей и на юго-западном берегу Байдарацкой губы в 1920-х гг. кочевали предки современных европейских ненцев, проживающих здесь до сих пор: Ледковы, Валеевы (Валей), Вылки (Вылка), Лаптандер, Нохо (Ного), Сядэй, Тайбари, Пырырка, Лагей, Хатанзеевы (Хэтанзи) и др. [ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–7об.; Список..., 1928. С. 202–209; ПМА, 2003]. По материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг., их насчитывалось 102 хозяйства [Долгих, 1970. С. 112–113]. В Надымском районе также встречаются отдельные фамилии европейских ненцев: Ямзины, Хатанзеевы, Тайбери [ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 30; ПМА, 2002]. Несколько европейских ненцев совместно с коми-зырянами в 1925–1930 гг. состояли в Норинском религиозном обществе [ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 30–31об.].

На протяжении XX в. доля коми среди представителей других национальностей уменьшалась. В Ямальском округе, по данным 1934 г., доля коми-зырян составила 7,2 % от общей численности населения, уступая русским (51,1 %), ненцам (27,7 %) и хантам (9,0 %) [ГАОПОТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 258. Л. 1]. Наиболее многочисленными были группы коми в Приуральском (8,3 %, или 1095 чел.) и Надымском (7,1 %, или 249 чел.) районах [Там же. Л. 4, 6–8]. (Шурышкарский район, в котором на 1934 г. проживали 2418 коми-зырян [Там же. Л. 24], в это время не входил в состав Ямальского округа.) В Приуральском районе промысловые хозяйства ненцев, ханты и коми составляли соответственно 329, 330 и 305, а в Надымском районе — 306, 12, 77 хозяйств [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 189. Л. 24]. В настоящее время в ЯНАО коми проживают в основном на территории Шурышкарского, Приуральского, Надымского районов и в г. Салехарде.

Национально-государственное строительство, промышленное освоение Севера, социальное и культурное развитие вызвали приток населения в округ, привели к усложнению национального состава и уменьшению доли коми в общей численности населения. Если в 1979 г. доля коми составляла 3,5 % от общей численности населения округа, то в 1989 г. — 1,2 % [Национальный состав..., 1990. С. 172]. По материалам переписи 1989 г., значительная доля коми населения проживала в сельской местности — 60,6 %, или 3484 чел. (для сравнения в 1979 г. — 62,4 %, или 3522 чел.) [Там же. С. 171]. Значительные группы приезжих из представителей некоренных национальностей Севера: русские, украинцы, татары, белорусы, молдаване, чуваша, азербайджанцы и др. — обосновывались не только в городах и поселках городского типа, но и в сельской местности [Там же. С. 175]. Среди приезжего населения более половины составляли мужчины трудоспособного возраста, которые могли выступать в качестве потенциальных брачных партнеров коми женщин.

Во второй половине XX в. ни в одном из рассматриваемых нами населенных пунктов коми не составляли большинство населения. В пос. Аксарка численно преобладают русские и ханты, в пос. Белоярск, Нори — ненцы, в пос. Ныда — ненцы и русские. Таким образом, это увеличивало вероятность вступления коми в национально-смешанные браки в сельской местности. На 01.01.2003 г. коми, проживающих в пос. Аксарка, насчитывалось 292 чел. (9,6 % от общей численности населения), в пос. Белоярск — 460 чел. (24,5 %); на 01.01.2002 г. в пос. Ныда — 243 чел. (12,9 %) и в пос. Нори — 109 чел. (25,7 %).

По материалам похозяйственного учета в рассматриваемый период было выявлено 465 брачных пар, из которых 322 — межнациональных: в пос. Аксарке в 1969 г. — 27 супружеских пар с участием коми, из них 16 (59,2 % от общего количества супружеских пар) межнациональных и в 2003 г. — 87, из них 76 (87,4 %) межнациональных; в пос. Белоярск в 1973 г. — 50 супружеских пар, из них 23 межнациональных (46,0 %), в 1990 г. — 88, из них 48 (54,5 %) межнациональных; в 2003 г. — 112, из них 73 (65,2 %) межнациональных; в пос. Ныда в 2002 г. — 76 супружеских пар, из них 70 (92,0 %) межнациональных; в пос. Нори — 25 супружеских пар, из них 16 (64,0 %) межнациональных (табл. 2). За рассматриваемый период практически произошло обновление брачных структур коми. К 2003 г. сохранилось только несколько супружеских пар, выявленных в пос. Белоярск в 1973 г. (7 пар) и пос. Аксарка в 1969 г. (3 пары). Для сравнения, в 1990 г. в пос. Белоярск было 19 супружеских пар, записанных и в 1973 г., а в 2003 г. — 45 пар, записанных в 1990 г.

Изучение структуры межнациональных семей с участием коми показывает уменьшение доли однонациональных супружеских пар в общем количестве брачных союзов коми во второй половине XX в. Доля межнациональных семей значительно превышает допустимый предел (10–15 %), необходимый для сохранения этноса. При этом в межнациональные браки коми женщины вступают чаще практически в два раза, чем коми мужчины. Во второй половине XX в. наблюдается тенденция увеличения браков женщин коми с русскими мужчинами. Брачными партнерами коми женщины выступают также представители других национальностей: немцы, литовцы, белорусы, украинцы, финны, чуваша. По материалам Белоярской сельской администрации основная доля таких браков была выявлена по состоянию на 01.01.1990 г. Появление двух поколений финско-коми семей, отмеченных в пос. Аксарка в 1969 г. и в 2003 г. (с участием уже детей первой супружеской пары, записанных по отцу финнами), связано с тем, что пос. Аксарка (пос. Аксарковский прежнее название) был местом трудовой ссылки переселенцев и военнопленных [Судьбы народов..., 1994. С. 244].

**Количество межнациональных супружеских пар с участием коми
(по материалам похозяйственного учета)**

Национальность супругов		Коми пос. Аксарка Аксарковской с/а				Коми Белоярской с/а						Коми Ныдинской с/а		Коми Норинской с/а	
Мужчина	Женщина	01.01.1969 г.		01.01.2003 г.		01.01.1973 г.		01.01.1990 г.		01.01.2003 г.		01.01.2002 г.		01.01.2002 г.	
Коми	Коми	11	40,8	11	12,6	27 (8)	54,0	40 ¹ (7)	45,5	39 ² (6)	34,8	6 (4)	8,0	9	36,0
Коми	Русская	5	18,5	14 ³	16,1	1	2,0	8 (1)	9,1	14 ⁴	12,5	7	9,2	1	4,0
Русский	Коми	4	14,8	33 ⁵	38,0	4	8,0	19 ⁶	21,6	19 ⁷	17,0	23	30,3	2	8,0
Коми	Ненка	2	7,4	1	1,1	2 (2)	4,0	4 ⁸ (2)	4,6	11 ⁹ (2)	10,0	17 (4)	22,4	9	36,0
Ненец	Коми	2	7,4	6	7,0	11 (5)	22,0	5 ¹⁰	5,8	8 ¹¹	7,1	14 (8)	18,4	4 (1)	16,0
Коми	Ханты	1	3,7	9	10,4	–	–	1	1,1	2	1,8	2	2,6	–	–
Ханты	Коми	1	3,7	1	1,1	1 (1)	2,0	1	1,1	4 ¹²	3,6	1	1,3	–	–
Коми	Манси	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Коми	Украинка	–	–	1	1,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Коми	Татарка	–	–	1	1,1	1	2,0	–	–	1 ¹³	0,8	2	2,6	–	–
Коми	Литовка	–	–	–	–	1	2,0	–	–	–	–	–	–	–	–
Абазинец	Коми	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1,3	–	–
Белорус	Коми	–	–	1	1,1	–	–	1	1,1	2 ¹⁴	1,8	1	1,3	–	–
Латыш	Коми	–	–	–	–	–	–	1	1,1	2 ¹⁵	1,8	–	–	–	–
Молдаванин	Коми	–	–	–	–	–	–	1	1,1	1	0,8	–	–	–	–
Немец	Коми	–	–	1	1,1	–	–	1	1,1	1 ¹⁶	0,8	–	–	–	–
Татарин	Коми	–	–	–	–	–	–	2	2,3	2 ¹⁷	1,8	–	–	–	–
Удмурт	Коми	–	–	1	1,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Украинец	Коми	–	–	4	4,6	1	2,0	1	1,1	4	3,6	2	2,6	–	–
Финн	Коми	1	3,7	1	1,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Чуваш	Коми	–	–	2	2,4	1	2,0	3	3,4	2 ¹⁸	1,8	–	–	–	–
Кол-во межнациональных супружеских пар		16	59,2	76	87,4	23	46,0	48	54,5	73	65,2	70 (12)	92,0	16	64,0
Итого		27	100 %	87	100 %	50 (16)	100 %	88 (10)	100 %	112 (8)	100 %	76 (16)	100 %	25	100 %

Примечание. В скобках указано количество кочевых семей. На территории Аксарковской сельской администрации в 1969 г., 2003 г. не выявлены кочевые хозяйства коми.

[1] Из них 14 супружеских пар отмечены и в 1973 г.

² Из них 19 супружеских пар отмечены в 1990 г. и 4 — в 1973 г.

³ Из них 2 супружеские пары отмечены и в 1969 г.

⁴ Из них 8 супружеских пар отмечены и в 1990 г.

⁵ Из них 1 супружеская пара отмечена и в 1969 г.

⁶ Из них 2 супружеские пары отмечены и в 1973 г.

⁷ Из них 6 супружеских пар отмечены и в 1990 г. и 1 — в 1973 г.

⁸ Из них 1 супружеская пара отмечена в 1973 г.

⁹ Из них 3 супружеские пары отмечены и в 1990 г., из них 1 и в 1973 г.

¹⁰ Из них 2 супружеские пары отмечены и в 1973 г.

¹¹ Из них 1 супружеская пара отмечена и в 1973 г. и в 1990 г.

¹² Из них 1 супружеская пара отмечена и в 1990 г.

¹³ Та же супружеская пара, что и в 1990 г.

¹⁴ Из них 1 супружеская пара отмечена и в 1990 г.

¹⁵ Из них 1 супружеская пара отмечена и в 1990 г.

¹⁶ Та же супружеская пара, что и в 1990 г.

¹⁷ Из них 1 супружеская пара отмечена и в 1990 г.

¹⁸ Те же супружеские пары, что и в 1990 г.

Менее активно коми женщины и коми мужчины заключают браки с представителями коренных народов Севера — хантами и ненцами. Для коми женщин браки с русскими и представителями других некоренных национальностей Севера более характерны, чем для коми мужчин, которые стремятся выбрать супругу из своей этнической среды. Вместе с тем нельзя утверждать, что выбор брачного партнера из среды коренных народов Севера (ханты и ненцы) больше всего характерен для коми мужчин, чем коми женщин. Доли таких супружеских пар (от их общего количества на каждый рассматриваемый год), с одной стороны, с участием коми мужчин и женщин ханты или ненцы, с другой — коми женщин и мужчин ханты или ненцы, отличаются друг от друга для коми, проживающих на разных территориях. Коми женщины, проживающие в пос. Аксарка, заключают

браки с ненцами чаще, чем мужчины коми. На 2003 г. таких браков было 6 (7,0 %) против 1 (1,1 %). Брачных союзов, в которых муж коми, а жена ханты, выявлено 9 (10,4 %), а таких, в которых жена коми, а муж ханты, — 1 (1,1 %). В пос. Белоярск в 2003 г. количество брачных союзов ненцев мужчин и коми женщин — 8, коми мужчин и ненок — 11. В 1973 г. ненецко-коми супружеских пар было 11 (22,0 %), а коми-ненецких — 2 (4,0 %). С 1973 по 2003 г. здесь увеличилось число хантыйско-коми супружеских пар с 1 до 3, коми-хантыйских — с 1 до 2. В пос. Ныда на 2002 г. было зафиксировано 17 (22,4 %) коми-ненецких и 14 (18,4 %) ненецко-коми, 2 (2,6 %) коми-хантыйские и 1 (1,3 %) хантыйско-коми супружеская пара. В пос. Нори на 2002 г. было 9 (36,0 %) коми-ненецких и 4 (16,0 %) ненецко-коми супружеские пары.

Браки с хантами — современное явление, характерное в большей степени для поселковых жителей. На это указывают и занятость супругов в таких семьях: слесарь и диспетчер, пожарник и секретарь, капитан и воспитатель, и т. д. Характер этнического окружения оказал влияние на заключение таких браков, что заметно по материалам Аксарковской сельской администрации, где ханты являются второй по численности этнической группой после русских. Здесь было выявлено большинство супружеских пар, состоящих из мужчин коми и женщин ханты. По материалам Щучьереченского сельского совета на 01.01.1973 г. здесь преобладали однонациональные супружеские пары (54,0 %), а среди межнациональных наиболее распространены браки мужчин ненцев и женщин коми (22,0 %). Как правило, происхождение современных коми-ненецких и ненецко-коми семей связано с традиционным кочевым образом жизни этой семьи, либо в прошлом, либо в настоящее время. Так, нами было выявлено на 01.01.1973 г. из 11 ненецко-коми семей Щучьереченского сельского совета 5 семей оленеводов, а также 2 коми-ненецкие семьи были семьями оленеводов; на 01.01.2002 г. из 14 ненецко-коми семей Ныдинской сельской администрации — 8 семей оленеводов, а из 17 коми-ненецких семей — 4 семьи оленеводов.

Увеличение межнациональных браков коми с русскими и представителями других некоренных национальностей связано с изменениями социально-профессиональной структуры коми населения. Увеличилась доля лиц с высшим, неполным высшим, средним специальным и средним образованием, особенно среди женщин, которые получали работу в поселке. Сравнивая образовательный уровень обоих супругов в национально-смешанных семьях, можно отметить, что в семьях, сохраняющих традиционный кочевой образ жизни, он ниже, чем в семьях, проживающих в поселках. При этом приезжие специалисты, как правило, имели высшее или среднее специальное образование. Стремление коми к проживанию в стационарных населенных пунктах, повышению образовательного уровня способствовало распространению среди них новых форм занятости и нового образа жизни быстрее, чем среди коренных народов Севера. Вместе с тем это привело к сближению с русскими и представителями других некоренных национальностей. Наблюдается своеобразное разделение труда между коми, проживающими в поселках и занятыми в сферах образования, медицины, управления и т. д., и коренными народами Севера, среди которых сохраняется стремление к кочевому образу жизни в большей степени. В настоящее время в Байдарацкой тундре в оленеводстве заняты в основном ханты, в Надымской тундре — ненцы [ПМА, 2002, 2003].

Межнациональные браки оказывают существенное влияние на воспроизводство этноса, численность которого зависит от того, какую национальность выберут дети из смешанных семей [Бромлей, 1969. С. 84–85]. Особенность использования похозяйственных книг для определения этнического самосознания людей заключается в том, что в национально-смешанных семьях записывается национальность детей по заявлению родителей, т. е. та национальность, которую они считают желательной для своего ребенка в данной ситуации. В дальнейшем дети (при получении паспорта) могут изменить свою этническую принадлежность.

Статистические материалы показывают, что коми, проживающие на разных территориях, в настоящее время по-разному определяют этническую принадлежность детей в смешанных семьях. Среди коми Приуральского района во второй половине XX в. отмечается растущая тенденция определять национальность детей по национальности матери. В рамках Щучьереченского сельского совета в 1973 г. у 72,3 % детей в национально-смешанных семьях с участием коми национальность была записана по отцу, в том числе в ненецко-коми, хантыйско-коми семьях. Данные на 2003 г. показывают, что разница в долях детей, национальность которых была определена по отцу и по матери, постепенно сокращается, составив соответственно 55,8 и 43,4 %. В коми-русских (в 15 из 23), коми-ненецких (16 из 18), коми-хантыйских (5 из 6) семьях национальность детей определяется по отцу коми. В подавляющем большинстве случаев национальность детей определяется по матери коми в тех семьях, в которых отец принадлежит к представителям коренных народов Севера (ненцы и ханты) и к приезжим нерусской национальности. Тогда как в русско-коми семьях дети в 13 случаях из 20 записаны русскими.

Иная ситуация отмечается для коми, проживающих в пос. Аксарка. Если на 1969 г. в преобладающем числе случаев национальность детей в национально-смешанных семьях определялась по отцу (67,5 % из отмеченных случаев) независимо от его этнической принадлежности (русский, ненец, коми, финн и т. д.), то на 2003 г. — по матери (84,5 %). У детей от смешанных браков коми женщин с русскими мужчинами и представителями некоренных национальностей Севера (белорус,

украинец, финн, удмурт, чуваш, немец) записана национальность матери коми в 47 случаях из 49 (95,9 %). По смешанным семьям, в которых один из родителей принадлежит к представителям коренных народов Севера (ханты или ненцам), наблюдаются различия в определении национальности детей. В ненецко-коми семьях примерно одинаковое соотношение случаев, когда дети записываются или по матери коми (5), или по отцу ненцу (6). Иная ситуация в коми-хантыйских семьях, дети в которых записываются исключительно по матери — ханты (14).

Суммируя все случаи определения национальности детей по поселкам Аксарка и Белоярск (на 2003 г.) по матери коми и по отцу коми, можно отметить, что, несмотря на большой процент смешанных браков с участием коми женщин, в преобладающем большинстве случаев национальность детей в таких семьях определяется родителями по матери коми, что предотвращает возможность численного сокращения данной этнической группы.

Что касается коми, проживающих на территории Ныдинской и Норинской сельских администраций, то среди них в 2002 г. сохранялась традиция определения национальности детей по отцу, 65 и 100 % всех выявленных случаев соответственно. Для коми пос. Ныда, несмотря на значительную долю смешанных семей с участием женщин коми (60,0 % от общего числа выявленных межнациональных супружеских пар), в преобладающем числе случаев в таких семьях национальность детей записывается по отцу. Это относится к русско-коми, ненецко-коми семьям, а также к семьям, в которых отец украинец, белорус, абазинец. В коми-ненецких семьях национальность детей практически в равных долях записана или по отцу — коми, или по матери — ненцы. В смешанных семьях, в которых один из родителей ханты, независимо от того, мать или отец, приоритетной является национальность коми. В целом по данной группе коми необходимо отметить, что для нее выявлен самый низкий процент однонациональных супружеских пар, что при сохраняющейся традиции определять национальность детей по отцу может представлять угрозу для воспроизводства данной этнической группы. Более благоприятная ситуация в пос. Нори, где отмечается наибольшая доля однонациональных супружеских пар коми, а национально-смешанных семей больше с участием мужчин коми, чем женщин.

Обобщая полученные данные по определению национальности детей в национально-смешанных семьях с участием коми, можно отметить, что у коми, проживающих на разных территориях, в примерно одинаковом иноэтничном окружении существует различное отношение к определению национальности детей. В Приуральском районе среди коми произошел отход от традиции определения национальности детей по отцу, и в преобладающем числе случаев национальность записывается по матери. Учитывая, что большинство выявленных нами национально-смешанных супружеских пар — это супружеские пары с участием женщин коми, данный переход может рассматриваться как стремление этнической группы к самосохранению и самовоспроизводству. Это можно объяснить ростом этнического самосознания коми, что в некоторой степени обусловлено неблагоприятной демографической ситуацией (меньшинство коми населения), сменой модели жизнеобеспечения (уход из традиционных отраслей хозяйства), отсутствием преподавания коми-зырянского языка в школе. Причину большой устойчивости традиции определения национальности детей по отцу у коми, проживающих на территории Ныдинской и Норинской сельских администраций, можно объяснить тем, что среди коми населения как женщины, так и мужчины часто вступают в смешанные браки. Кроме того, на этих территориях коми в большей степени сохраняют традиционный кочевой образ жизни, связанный с оленеводством.

Анализ данных об определении национальности детей в смешанных семьях показывает, что в выборе национальности детей приоритет имеет, прежде всего, своя национальность, затем — русская и ненецкая. Представляют интерес случаи, когда в национально-смешанных семьях у одних и тех же родителей национальность детей в одном случае записывается по матери, в другом — по отцу. Это встречается, по современным материалам, в русско-коми, коми-русских, ненецко-коми, коми-ненецких и других семьях, как полных, так и неполных. В 2002–2003 гг. зафиксировано 6 случаев, когда национальность ребенка в семье не была указана. Из них 4 случая — в пос. Нори в русско-коми семье, по одному случаю — в пос. Ныда в ненецко-коми семье и в пос. Белоярск в коми-ненецкой семье.

Таким образом, анализ современной структуры межнациональных семей с участием коми свидетельствует о двух направлениях брачных связей. Одно из них связано с ориентацией на сохранение традиционного кочевого образа жизни. Для этой среды характерны однонациональные браки или браки с коренными народами Севера — ненцами и хантами. Другое направление связано с ориентацией на приобретение новых профессий, требующих специальных знаний и обеспечивающих занятость в поселке. Брачными партнерами в этом случае выступают русские, коми и представители других некоренных национальностей Севера, а также ненцы и ханты, адаптировавшиеся к новым условиям поселковой жизни. В целом внешнее восприятие определенно играет некоторую роль в выборе брачного партнера, тем не менее во второй половине XX в. более важным остается сходство в образе жизни.

Литература

- Аксянова Г. А. Население бассейна Печоры и Нижней Оби // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 93–113.
- Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 324 с.
- Алквиист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.
- Багашев А. Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. 152 с.
- Багашев А. Н. Население Нижнего Приобья // ОКНЗС. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 124–136.
- Багашев А. Н., Антонов А. Л. Особенности антропологии южных хантов // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 3. С. 44–47.
- Бартенева В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX в. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 114–217.
- Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // СЭ. 1969. № 6. С. 84–91.
- Бунак В. В. Антропологический тип мордвы // РАЖ. Т. 13. Вып. 3–4. М., 1924а. С. 177–210.
- Бунак В. В. Антропологический тип черемис // РАЖ. Т. 13. Вып. 3–4. М., 1924б. С. 137–177.
- Васильев В. И. Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Северной Сибири (по материалам этнографического обследования северосамодийских народов: ненцев, энцев и нганасан) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985. С. 65–93.
- Васильев В. И. Семья северных народностей в историческом ракурсе (методико-источниковедческий аспект проблемы) // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов. Омск: Омск. ун-т, 1988. С. 86–91.
- Воропай И. М. От реки Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру // Природа и охота. 1900а. № 1. С. 10–34.
- Воропай И. М. От реки Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру // Природа и охота. 1900б. № 3. С. 42–54.
- Воропай И. М. Тундра и ее обитатели // Природа и охота. 1901. № 7. С. 69–78.
- Гондатти Н. Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь // Лукич. Тюмень, 2000. Ч. 4. С. 96–144.
- Гриценко В. Н. Часовня в тундре // Историческое краеведение Надыма. Тобольск, 2000. С. 5–13.
- Дмитриев-Садовников Г. М. Река Надым // ЕТГМ. Вып. 29. Тобольск: Тобольское Епархиальное братство, 1918. С. 25–43.
- Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 271 с.
- Дремов В. А. Население Томска XVI–XVII вв. // ОКНЗС. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 140–148.
- Дремов В. А., Багашев А. Н. Ханты Среднего Приобья и Прииртышья // ОКНЗС. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 111–124.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерея, 1995. 376 с.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерея, 1996. 432 с.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимодействия коми с соседними народами (X — начало XIX в.). М.: Наука, 1982. 224 с.
- Житков Б. М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. Т. 49. 349 с.
- Иринарх, иер. Из Обдорской миссии // Православный Благовестник. 1903. № 1. С. 22–25.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
- Ким А. Р. Барабинские татары // ОКНЗС. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 84–94.
- Козинцев А. Г. Статистические данные к проблеме происхождения типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 229–242.
- Конаков Н. Д. Этнические стереотипы коми как этногенетический источник // Проблемы этногенеза народа коми / Тр. ИЯЛИ. Вып. 36. Сыктывкар, 1985. С. 78–91.
- Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Левина Т. В. Похозяйственная книга // Народнонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 346.
- Марк К. Ю. Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С. 11–18.
- Марк К. Ю. Антропология прибалтийско-финских народов. Таллин: Валгус, 1975. 136 с.
- Национальный состав населения Тюменской области. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Тюмень: Тюменский областной комитет государственной статистики, 1990. 215 с.
- Скалозубов Н. Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX в. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 359–390.
- Список населенных пунктов в Обдорском крае // Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. С. 206–208.
- Список населенных пунктов Уральской области. Т. 12. Тобольский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 235 с.
- Старцев Г. А. О зауральских зырянах // Коми Му — зырянский край. 1926. № 1–2. С. 46–50.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сб. док. / Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории. Тюмень, 1994. С. 244–245.
- Филатова Н. В. Освоение коми районов Восточного Зауралья // ЭО. 1994. № 5. С. 93–103.
- Юсупов Р. М. Краниология башкир. Л.: Наука. Ленигр. отд-ние, 1989. 200 с.
- Knussmann R. Penrose-Abstand und Diskriminanzanalyse // Homo. 1967. Bd. 18. № 3. S. 134–140.
- Penrose L. S. Distanze, Size and Shape // Annals of Eugenica. 1954. Vol. 18. P. 337–343.

---

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта губернатора Тюменской области 2003 г.

[2] В тексте используются современные названия сельских администраций (до 1996 г. сельские советы). В 1976 г. Щучье-реченский сельский совет был переименован в Белоярский сельский совет; в 1971 г. Топогольский сельский совет был переименован в Аксарковский сельский совет.